

Маленькая рыжая лиса никогда не пробовала ничего подобного. От одного запаха у неё потекли слюни, едва не намочив шерсть.

После сытного обеда лисёнок, жадный до еды, залез в горшок и вылизал его дочиста, что вызвало у послушника смесь смеха и досады. Насытившись, он помыл горшок, затем вымыл лисёнка, убрал следы костра на берегу и, убедившись, что от него не пахнет рыбой, надел рясу, взял корзину и отправился за дровами.

На следующий день, несмотря на строгий выговор старого лиса, запретившего ему приближаться к передней части горы, лисёнок, помня вкус ухи, решил:

— Этот монах спас меня и приготовил вкусную уху. Старый лис учил, что мы, дикие лисы, должны быть благодарны и платить добром за добро. Я не знаю, как отблагодарить его, но сначала пойду посмотрю, а потом решу. После этого я больше не буду ходить на переднюю часть горы.

Так он снова покинул свою нору, чтобы навестить послушника.

На третий день он нашёл на краю обрыва ярко-красные ягоды, сладкие и ароматные.

— Вот это сокровище! Подарю их моему спасителю в знак благодарности, — решил он, завернул ягоды в листья и отправился к послушнику.

На четвёртый день он выкопал из старого дупла на вершине горы блестящий круглый предмет.

— Мой спаситель не любит ягоды, вчера все они оказались в моём животе. Но эта штука выглядит красиво, подарю её ему, — подумал он и, держа предмет в зубах, отправился к послушнику.

На пятый, шестой, седьмой день... Лисёнок всегда находил повод принести послушнику какой-нибудь подарок. То драгоценный камень, то обычную траву, то яркие перья птиц, а то и ветки, камни или даже половинку кролика. Всё, что можно и нельзя, он приносил.

Послушник, не зная, как отказаться, принимал всё, кроме скоропортящихся вещей, которые закапывал, а остальное прятал в пещере у ручья.

Шли годы, время летело незаметно.

Прежний юный послушник вырос в красивого молодого монаха, а маленький рыжий лисёнок превратился в большого лиса.

И не просто в большого лиса, но в одну из лунных ночей он сумел принять человеческий облик, что потрясло послушника.

— Ты не просто дикий лис, а настоящий лис-оборотень.

Лисёнок тоже был в восторге. В их норе лишь немногие лисы, благодаря долгим годам практики или врождённым способностям, могли принимать человеческий облик. Теперь перед ним стоял юноша лет шестнадцати, с приятной внешностью, совершенно голый, сидящий на кровати в комнате послушника и с любопытством разглядывающий своё гладкое тело.

Послушнику, которому было всего восемнадцать, уже доверили должность гостевого монаха в Храме Драгоценной Длани. Благодаря своей привлекательной внешности, возвышенной манере держаться, зрелости и глубоким знаниям буддизма, он пользовался особым уважением среди знати, которая часто приглашала его читать сутры и говорить о буддизме, оказывая ему почёт, как учителю.

Неудивительно, что у него была своя комната.

Монах, увидев, что лисёнок впервые принял человеческий облик и ведёт себя странно, сидя на его кровати и держа своё достоинство в руках, с недоумением спросил:

— Чжаокун, я мальчик или девочка?

Имя послушника было Чжаокун, а у лисёнка никогда не было имени. Чжаокун обычно называл его просто «лисёнок» или «рыжий», а если тот его раздражал, то «зверёк».

Наставник учил, что всё в мире должно идти своим чередом, и, давая имя дикому существу, можно связать с ним свою судьбу, что приведёт лишь к лишним страданиям и помешает духовному развитию. Поэтому в буддизме важно сохранять ясность ума и избегать мирских привязанностей.

Теперь же этот «зверёк» сбросил шерсть, обнажив гладкую кожу, с тонкими конечностями и стройной талией. Его миловидное лицо излучало невинность, а чёрные глаза смотрели на Чжаокуна с такой искренностью, что молодой монах почувствовал смущение и не смог удержать взгляд. Он покраснел, отвернулся и начал складывать сутры на столе.

Юноша, видя, что Чжаокун игнорирует его, прыгнул с кровати, подошёл к нему сзади и, прижавшись к его спине, протянул руку к его животу.

— Чжаокун, ты мальчик или девочка? Я хочу быть таким же, как ты.

Чжаокун смутился, схватил его за запястье и резко обернулся:

— Зверёк! Теперь у тебя человеческое тело, и ты должен соблюдать человеческие приличия. Нельзя просто трогать других за... за...

Юноша, всё так же смотря на него ясными глазами, задумался и кивнул:

— Понял. Я буду трогать только Чжаокуна.

Чжаокун потемнел лицом, едва сдерживая желание отшлёпать его, но, сдерживая гнев, строго сказал:

— Зверёк... то есть лис, теперь у тебя человеческое тело, и тебе нужно имя.

Лисёнок ответил:

— У меня есть имя — Чик-чирик.

Чжаокун, услышав этот лисовый писк, закатил глаза и терпеливо объяснил:

— Лисье имя оставь для лисьего облика. Тебе нужно человеческое имя... Если не можешь придумать, подумай несколько дней, но я не буду его выбирать за тебя.

Юноша открыл рот, но Чжаокун перебил его:

— Не вздумай назваться Чжаокуном!

Юноша тихо вздохнул:

— Больно.

Чжаокун тут же ослабил хватку, заметив, как тонко и хрупко запястье юноши, словно веточка сливы, готовая сломаться.

Он отпустил его, нашёл в шкафу свои старые одежды и дал их юноше, немного поколебавшись, но всё же уступил:

— Мир жесток, и чем дальше от него, тем лучше. Пусть тебя зовут Чжиюань.

Юноша неуклюже поправил рукав монашеской одежды и, сияя, сказал:

— Вся моя нора носит фамилию Шань. Теперь я буду Шань Чжиюань. Чжаокун, позови меня.

Чжаокун строго ответил:

— Мне нужно готовиться к вечерней молитве. Возвращайся домой и не безобразничай.

Чжиюань с грустью взял его за рукав:

— Тогда я приду завтра. Чжаокун, научи меня ловить рыбу.

Чжаокун хотел отказаться, но, увидев его умоляющий взгляд, смягчился:

— Хорошо.

Юноша тут же обрадовался, но, не удержав человеческий облик, превратился обратно в лису, вылез из одежды и, пискнув, побежал к двери. Чжаокун мягко подтолкнул его ногой:

— Раз я обещал, я не откажусь.

Рыжий лис, счастливый, убежал.

Чжаокун, наблюдая, как он скрывается вдаль, поднял одежду. Старая ткань была мягкой, словно только что соскользнула с плеч юноши. Он на мгновение задумался, но тут раздался звон колокола, призывающий к вечерней молитве.

Чжаокун вздрогнул, положил одежду в корзину и поспешил за сутрами, но случайно уронил Шурангама-сутру.

Он пробормотал:

— Прости, прости, — наклонился, чтобы поднять её, и его взгляд упал на строки:

«Ты должен мне жизнь, я должен тебе долг. Из-за этой связи мы проходим через тысячи перерождений, всегда в круговороте жизни и смерти.

Ты любишь мою душу, я люблю твою форму. Из-за этой связи мы проходим через тысячи перерождений, всегда связанные друг с другом.»

Чжаокун тихо усмехнулся, аккуратно закрыл сутру, смахнул пыль и прошептал:

— Вот оно что. В прошлой жизни я действительно был тебе должен.

На следующий день лисёнок, как и обещал, пришёл к ручью, повалился на землю, превратился в человека и прыгнул в воду. К счастью, стояло лето, и вода была тёплой, но Чжаокун всё же нахмурился:

— Выходи.

Юноша, сидя в воде, недоуменно спросил:

— Ты не будешь учить меня ловить рыбу?

Чжаокун достал из корзины одежду:

— Сначала надень штаны. На улице светло, нельзя ходить голым.

Чжиюань надулся:

— Это неудобно, я не люблю носить одежду.

<http://bllate.org/book/15426/1365006>